

Анастасия Владимировна Харитонова

аспирантка кафедры русского языка, общего языкоznания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: ave.anastasiaa@yandex.com

https://orcid.org/0009-0005-9942-1750

Имятворчество в топонимии: о переименовании г. Екатеринбурга

Аннотация

В статье рассматривается проблема переименования города Екатеринбурга, вопрос о котором поднимался трижды (в 1914, 1924 и 1991 гг.). Цель статьи — выявить модельный фонд топонимических номинаций городских объектов, реконструировав номинативную деятельность горожанина с учетом прагматических факторов — эмоционального состояния человека в условиях ситуации переименования. В статье последовательно рассмотрены созданные в процессе поиска названия окказионализмы. При характеристике каждого периода переименования показано влияние экстралингвистической ситуации на выбор имени. Так, лингвокреативной задачей, стоящей перед горожанином в период Первой мировой войны (1914), была замена немецкого компонента *-бург* в морфемной структуре композита *Екатеринбург*. У уральской общественности в 1924 г. была другая цель — создать единицу-маркер новой идеологии. Выбор топонима *Свердловск* создает оппозицию идеологической антонимии *Екатеринбург* — *Свердловск*, которая «сработала» и при возвращении исходного именования в 1991 г. Автором статьи был также проведен эксперимент: студентам Уральского федерального университета (число респондентов — 200 человек) было предложено создать номинации города для 1914 и 1924 гг. Полученные в ходе эксперимента единицы подтвердили продуктивность выявленных словообразовательных моделей. Набор продуктивных словообразовательных моделей укладывается в следующий перечень: 1) сложные слова, включающие две основы с подчинительным типом отношений между ними, при этом вторым компонентом основы чаще всего является формант с идентификационным значением ‘город’ в различных вариантах (*-бург, -град, -поль, -славль, -слав, -полис*); 2) сложносуффиксальные образования, которые оформляются (помимо двухосновной базы) топонимическим суффиксом *ск-*; 3) одноосновные суффиксальные образования с суффиксом *ск-*. К непродуктивным типам можно отнести трансонимизацию и субстантивацию, а также описательные топонимы, построенные по модели «город на реке».

Ключевые слова

опонимы; астионимы; окказиональные топонимы; переименование; Екатеринбург; словообразовательная модель; экстралингвистическая ситуация

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01412 «Уральская идентичность Екатеринбурга в “светлом поле” сознания горожанина».

© Харитонова А. В., 2025

Для цитирования

Харитонова А. В. Имятворчество в топонимии: о переименовании г. Екатеринбурга // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 2. С. 183–198. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.021

Рукопись поступила в редакцию 11.01.2025

Рукопись принята к печати 15.02.2025

Anastasia Vladimirovna KHARITONOVA

Graduate student, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: ave.anastasiaa@yandex.com

<https://orcid.org/0009-0005-9942-1750>

Name Creation in Toponymy: About Renaming Ekaterinburg

Abstract

The article examines the problem of renaming the city of Ekaterinburg, the issue of which was raised three times (in 1914, 1924 and 1991). The goal is to identify the underlying patterns of place naming applied to urban toponymy by reconstructing the naming practices of city residents, with particular attention to pragmatic factors — namely, the emotional and sociolinguistic context of renaming. The author consecutively considers the occasional toponyms generated during each renaming episode. For each period, the influence of the extralinguistic situation on the selection of names is discussed. During the First World War (1914), the key linguistic challenge was to replace the Germanic component *-burg* in the compound *Ekaterinburg*. In 1924, following the revolution, the public was faced with a different task: to generate a name that would serve as an ideological marker. The adoption of the name *Sverdlovsk* created an ideological opposition *Ekaterinburg* vs *Sverdlovsk* — which in turn became the driving factor for the restoration of the former name in 1991. The author also conducted an experiment involving 200 students from Ural Federal University, who were invited to propose city names suitable for the years 1914 and 1924. The results of this experiment confirmed the productivity of the identified word-formation patterns. The study reveals the following set of productive naming patterns: 1) compound formations consisting of two roots in a subordinate relationship, typically with the second component denoting ‘city’ in one of its morphological variants (e.g. *-burg*, *-grad*, *-pol*, *-slavl*, *-slav*, *-polis*); 2) complex derivative forms incorporating both compound roots and the toponymic suffix *-sk-*; 3) simple derivative forms based on a single root and the suffix *-sk-*. Less productive naming types include transonymization, substantivation, and descriptive toponyms based on the model “city on the river.”

Keywords

toponyms; astonyms; renaming; Ekaterinburg; occasional nomination; word-formation pattern; extralinguistic situation

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-01412 *The Ural Identity of Ekaterinburg in the ‘bright field’ of the consciousness of the city dweller*.

For citation

Kharitonova, A. V. (2025). Name Creation in Toponymy: About Renaming Ekaterinburg. *Voprosy onomastiki*, 22(2), 183–198. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.021

Received on 11 January 2025

Accepted on 15 February 2025

Введение

Имя города (астионим), «как и любое имя собственное, представляет собой специфический конгломерат лингвистического и экстравалингвистического планов» [Фаткуллина 2015]. Появление и мотивировка астионима, его дальнейшая судьба зачастую связаны с факторами внеязыковыми, что нередко ведет к его смене. Проблема переименования, по мнению А. К. Матвеева, «имеет три стороны: политическую (шире — идеологическую), которая вызывает переименование, экономическую (финансовую), которая его обеспечивает, и языковую (топонимическую), которая обуславливает вхождение, встраивание названия в топонимическую систему, его соответствие нормам языка и культурно-эстетическому идеалу» [Матвеев 2009: 101].

В большей степени переименованию подвержены населенные пункты, у которых первое имя имеет мотивированное значение «объект, названный в честь...» и направлено на возвышение человека, обозначенного лексическим мотиватором [Голомидова 1998: 161]. Номинативное посвящение, вбирая смысл утверждения чьих-либо заслуг и достоинств, приобретает оценочные коннотативные смыслы. В переломные периоды развития общества естественной реакцией носителя языка, пропускающего через себя смену мировоззренческих ориентиров и ценностных парадигм, становится переосмысление и переоценка отдельных номинаций, вплоть до потребности их изменить. Массовый процесс переименования в послереволюционный (с 1917 г.) и постперестроечный (с 1985 г.) периоды был назван «ономастическим переворотом» [Дуличенко 1993: 215] и коснулся в том числе астионима *Екатеринбург*.

Вопрос о пересмотре названия *Екатеринбург*, представляющего собой топоним-посвящение императрице Екатерине I, поднимался трижды (в 1914, 1924 и 1991 гг.) и был обусловлен рядом внешних факторов. Попытка переименования в 1914 г. связана с началом Первой мировой войны. Нарастающие антинемецкие настроения привели к появлению многочисленных инициатив по избавлению от топонимов, содержащих немецкоязычные компоненты, в том числе *-бург*. Уже в августе 1914 г. город *Санкт-Петербург* был переименован указом Николая II в *Петроград*. В дальнейшем под удар попали топонимы *Оренбург*, *Шлиссельбург*, *Ораниенбаум* и др. Исследователи

отмечают, что переименования носили массовый характер — «в одной только Екатеринославской губернии было переименовано 64 населенных пункта» [Никитин 2003: 9].

Первое сообщение о письмах с просьбой изменить название *Екатеринбург*, поступающих в городскую управу, появляется в газете «Уральская жизнь» 28 августа 1914 г. [Переименование города: 2]. Гражданская инициатива была поддержана пермским губернатором и начальником Уральских горных заводов, после чего в прессе продолжили появляться новостные заметки, содержащие варианты новых астионимов и их обсуждение. Однако на заседании городской думы, состоявшемся в апреле 1915 г., большинство высказалось за сохранение существующего названия *Екатеринбург*, «не дерзая посягнуть на название, данное императором Петром Великим» [Попов 1998: 59].

Во второй раз астионим *Екатеринбург* оказался под угрозой замены в 1924 г., в период массовых переименований, последовавших за Октябрьской революцией. Советская топонимическая система обретала вид идейной конструкции, «которая на ментальном уровне была призвана способствовать формированию единой советской общности» [Демьянов, Рыженко 2017: 159], поэтому при выборе нового имени города требовалось не только устраниć память о монархии и империи, заключавшуюся во внутренней форме топонима *Екатеринбург*, но и манифестировать утверждение новой коммунистической идеологии. В ходе обсуждений в местной прессе был предложен вариант *Свердловск*, лексическим мотиватором которого стала фамилия большевика Я. М. Свердлова, чьи взгляды и деятельность соответствовали новому политическому курсу государства. Астионимы *Екатеринбург* и *Свердловск*, таким образом, согласуются между собой по принципу идеологической антонимии, под которой мы понимаем «замену топонима, отсылающего к реалиям одной идеологии, на топоним, отражающий идеологию кардинально противоположного политического режима» [Петешова 2019: 67].

Третье переименование города произошло в 1991 г. и было обусловлено крахом коммунистической идеологии. Переоценка личности Свердлова привела к актуализации внутренней формы топонима-посвящения *Свердловск* и утрате его привлекательности. В результате было принято решение вернуть городу название *Екатеринбург*, «поскольку сбережение исторического имени всегда должно оцениваться как заслуга перед историей и культурой страны» [Матвеев 2009: 102].

Ситуация переименования активизирует метаязыковую рефлексию горожанина. Документальные свидетельства такой активизации сохранились в виде ходатайств в городские управы [Никитин 2003], личных писем [Фостова 2022] и дневников [Гиппиус 1999; Врангель 2001], многочисленных писем

в газеты, публикуемых на страницах издательств. Попытки переименования Екатеринбурга 1914 и 1924 гг. также освещались в местной прессе и сопровождались масштабной общественной дискуссией, в ходе которой уральцы предлагали новые варианты, как по-иному назвать Екатеринбург.

Материалы исследования

Цель статьи — выявить словообразовательно-мотивационные модели астионима, реконструировать ономастическое сознание горожанина с учетом pragматических факторов — эмоционального состояния человека в условиях ситуации переименования, выявить «речевое коллективное бессознательное» [Седов 2008: 21] номинаторов.

Использование в рамках нашего исследования термина *ономастическое сознание* связано с тем, что имена собственные часто выступают вербализаторами коммуникативных посылов, рожденных в сознании человека, и «граница между pragматическими мотивами номинации и обычными деривационными возможностями топонимов достаточно условна» [Картавая 2017: 88]. При этом ономастическое сознание понимается как компонент метаязыкового [Трапезникова 2013: 5], выделяемого в виде совокупности «языковых и энциклопедических» [Щербак 2020: 301] знаний, иначе говоря, «ономастических знаний, репрезентируемых онимами» [Робустова 2023: 266].

Материалом для настоящего исследования послужили следующие группы окказиональных топонимических единиц.

Во-первых, это названия города, предложенные горожанами в периоды переименования и зафиксированные на страницах газет «Зауральский край» (№ 190–289, 1914) [Зауральский край] и «Уральский рабочий» (№ 73–254, 1924) [Уральский рабочий], — всего 26 номинаций: *Владиурал, Екатериноград, Екатерининск, Екатеринобор, Екатериногор, Екатериногорск, Екатериноград-на-Исети, Екатеринозаводск, Екатериноситск, Екатеринокаменск, Екатеринополь, Екатериногорск, Екатеринураал, Екатеринуральск, Иседонск* (встречаются варианты написания *Исседонск, Исейдонск*, см. [Шорин 2023: 85]), *Урал* (1914); *Андрейбург, Андрейград, Красноуральск, Красный Урал, Ленинбург, Мстиград, Платиноуральск, Реванибург, Свердловск, Уралосвердловск* (1924).

Во-вторых, это топонимы, полученные экспериментальным путем. Эксперимент проведен в 2024 г. Испытуемые — 200 студентов Уральского федерального университета (филологический, педагогический, исторический факультеты и факультет международных отношений) в возрасте 18–22 года, которым было предъявлено задание следующего содержания:

А. Во время Первой мировой войны, в 1914 г., когда все немецкое стало осознаваться как враждебное, многие города Российской империи, содержащие в названиях немецкоязычные корни, были переименованы. Город Екатеринбург тоже предлагалось переименовать. Представьте себя жителем Екатеринбурга в 1914 г. Какие варианты нового названия города Вы бы предложили?

Б. После революции 1917 г. и свержения монархии многие российские города были переименованы. В 1924 г. было предложено переименовать Екатеринбург, потому что в названии города содержалось имя императрицы. Представьте себя жителем Екатеринбурга в 1924 г. Какие варианты нового названия города Вы бы предложили?

В результате эксперимента получено 454 ответа, содержащих 79 вариантов топонима (в скобках указывается частотность топонима в ответах респондентов) — см. таблицу.

Топонимы, полученные в результате эксперимента

Ответы на вопрос А	Ответы на вопрос Б
Екатериноград (54)	Уральск (23)
Екатерининск (31)	Бажовск (18)
Екатеринград (22)	Красногорск (13)
Уральск (16)	Ленинбург (12)
Екатериноисетск (14)	Татищевск (12)
Екатеринослав (14)	Ленинск (10)
Екатериногорск (13)	Заводск (8)
Татищевск (10)	Кировоград (8)
Уралоград (9)	Кировск (7)
Екатеринозаводск (7)	Демидовград (6)
Екатеринополь (7)	Уралбург (6)
Исетск (7)	Горный (5)
Демидовск (5)	Красноисетск (5)
Екатеринодар (5)	Бажовград (4)
Уралград (5)	Ельцинбург (4)
Демидов (4)	Уралград (4)
Екатеринобор (4)	Ельциновск (3)
Екатеринск (4)	Свердлоуральск (3)
Великоград (1)	Сталинск (3)
Великоуральск (1)	Коммунарск (2)
Владиуральск (1)	Краснозаводск (2)
Горный (1)	Металлоград (2)
Екатерининский (1)	Вайнер (1)
Екатериновград (1)	Горный Урал (1)
Екатериновка (1)	Заводоград (1)

Окончание таблицы

Ответы на вопрос А	Ответы на вопрос Б
<i>Екатериновск</i> (1)	<i>Коммунск</i> (1)
<i>Екатеринополис</i> (1)	<i>Металлург</i> (1)
<i>Екатеринославль</i> (1)	<i>Минеральск</i> (1)
<i>Заводоуксектск</i> (1)	<i>Орджоникидзе</i> (1)
<i>Заводск</i> (1)	<i>Рабочеуральск</i> (1)
<i>Исетьград</i> (1)	<i>Революционогорск</i> (1)
<i>Малахитов</i> (1)	<i>Самоцветоуральск</i> (1)
<i>Металлогорск</i> (1)	<i>Свердлогорск</i> (1)
<i>Николаевск</i> (1)	<i>Свердловенск</i> (1)
<i>Николаевск-на-Исеть</i> (1)	<i>Советград</i> (1)
<i>Романовск</i> (1)	<i>Сталинбург</i> (11)
<i>Санкт-Урал</i> (1)	<i>Стальск-на-Исеть</i> (1)
<i>Староуральск</i> (1)	<i>Толмачевск</i> (1)
<i>Уралец</i> (1)	<i>Троцк</i> (1)
<i>Урал-на-Исеть</i> (1)	<i>Уральский</i> (1)
<i>Уралогорск</i> (1)	
<i>Центроуральск</i> (1)	

Обращение к современным горожанам обусловлено гипотезой исследования, согласно которой в ономастическом сознании содержится продуктивный базовый набор моделей образования астионимов, выступающий в качестве опор-ассоциатов. Кроме того, мы предполагаем, что созданные в ходе эксперимента номинации будут иметь четко идентифицируемую внутреннюю форму, так как процесс переименования связан, во-первых, с актуализацией внутренней формы предшествующего топонима, от которого отталкивается номинатор, во-вторых, с экстралингвистической ситуацией, в которую поставлены участники эксперимента.

Выбор именно студенческой аудитории для проведения эксперимента связан с тем, что молодые люди легче, чем старшее поколение, реагируют на те или иные изменения и могут предложить более широкий спектр окказиональных номинаций [см.: Качалкова, Рут 2019].

Результаты и обсуждение

Общий взгляд на корпус анализируемых новообразований позволяет сделать вывод о том, что все авторские астионимы семантически мотивированы, имеют прозрачную внутреннюю форму и выявляют определенный круг мотивировочных признаков, на которые опирается носитель языка, продуцируя новое имя города. Рассмотрим окказионализмы, полученные в разные периоды.

1914 год

Топоним *Екатеринбург* — сложное слово (композит) с подчинительным отношением основ («город Екатерины»), где первый компонент имеет атрибутивную характеристику объекта, названного второй основой. Лингво-креативная задача, стоявшая перед горожанином начала XX в., — заменить иноязычный компонент в морфемной структуре сложного слова. В качестве замены форманта *-бург* предлагались разные варианты.

Во-первых, это семантически тождественные форманты: *град* (< ст.-слав.) — *Екатериноград* и *-поль* (< греч. *polis* ‘город’) — *Екатеринополь*. Номинации *Екатериноград* и *Екатеринополь* воспроизводят модель-источник с добавлением интерфиксa *-о-*. Обе модели достаточно продуктивны: ср. *Павлоград*, *Петроград*, *Севастополь*, *Симферополь*, *Ставрополь* и др.

Во-вторых, в предлагаемых названиях выделяются производящие основы *гора*, *бор*: *Екатериногор*, *Екатеринобор*. Приведенные композиты мотивированы природным ландшафтом Урала — горными и лесными массивами края.

В-третьих, в качестве одного из возможных вариантов устранения иноязычного компонента *-бург* предлагается топонимический суффикс *-ск*, вернее его алломорф *-инск*: *Екатерининск*. Данный суффикс «сигнализирует нам, что слово является названием города» [Шанский 1971: 176] и является весьма продуктивным — ср. *Тобольск*, *Туринск*, *Курск*, *Брянск* и др. В окказиональном образовании *Екатерининск* алломорф *-инск* присоединяется к имени императрицы, полностью сохраняя таким образом внутреннюю форму исходного топонима — «город Екатерины».

Суффикс *-ск* участвует и в создании новообразований, представляющих собой двухкомпонентные номинации с интерфиксом *-о-*, конструируемые по модели «имя-посвящение + уточняющий мотивировочный признак + идентификатор “город”». Во всех номинациях сохраняется посвящение Екатерине, при этом семантика второй производящей основы достаточно разнообразна и отражает ту или иную черту специфики уральского города.

Екатериногорск: вторая часть композита мотивирована ландшафтным термином *гора*, указывающим на отличительную черту территории, где располагается город. Н. М. Шанский отмечает, что большинство названий на *-горск* связаны «с разнообразными группами сложных имен городов (на *-град* и *-город*) и выступают сейчас как слова, возникшие на базе словосочетаний, включающих *город*» [Шанский 1971: 181]. В то же время ученый пишет, что «среди этих названий есть и такие, в которых часть *-горск* обозначает иное. *Пятигорск* — город около Бештау, состоящего из пяти гор; *Магнитогорск* — город около горы Магнитной. Часть *-горск* в этих словах складывается

из основы *гор(а)* и суффикса *-ск*» [Шанский 1971: 181]. Ср. также композит *Екатериноугорск*, вторая часть которого, возможно, восходит к ландшафтному термину *угор* ‘возвышенность, гора’.

Екатериноуральск: вторая часть композита мотивирована топонимом *Урал*, указывающим на географическое расположение города; ср. также вариант без суффикса *-ск*: *Екатериноурал*.

Екатериноисетск: вторая часть композита мотивирована гидронимом *Исеть*, называющим реку, на которой город построен.

Екатеринозаводск: использование основы *- завод* обусловлено экономической спецификой города, поскольку «Екатеринбург строился как самый мощный в России горно-металлургический завод» [Редин 2021: 1051].

Екатеринокаменск: основа *камень* (как и *гора*, см. выше) указывает на ландшафтные особенности территории.

В качестве альтернативы также предложен вариант описательного топонима, построенного по модели «город на реке» — *Екатериноград-на-Исети*. В сравнении с традиционными для восточнославянской топонимии однословными наименованиями рассматриваемый астионим содержит более развернутую характеристику именуемого географического объекта, указывает на его локализацию.

В следующей группе окказионализмов коммеморативная мотивировка отсутствует.

Урал — астионим образован путем трансонимизации: название всего региона переходит в название конкретного города. Выбор данной номинации эксплицирует представления о центральной, ключевой для Урала роли города.

Владиурал — сложное слово с подчинительным отношением основ — «владеть Уралом» / «владей Уралом», образованное путем сложения с интерфиксацией. Номинация создана по аналогии с астионимами *Владикавказ*, *Владивосток*. Однако, если «смысл названия “Владивосток” мы должны понимать не как предполагаемая “столица Востока”, а как символ “владения Россией Востоком”, военно-политического присутствия» [Постников 2010: 81], то смысл топонима *Владиурал*, очевидно, заключается в представлении о столичном статусе города в рамках Уральского региона.

Иседонск — суффиксальное образование «от иседонов — древнего народа, когда-то обитавшего на Урале» [Шорин 2023: 85].

Таким образом, большинство предложенных астионимов (за редкими исключениями, см. *Екатериноурал* без суффикса *-ск*) образуются по продуктивным для русской топонимии моделям, имеют прозрачную внутреннюю форму, повторяющую внутреннюю форму имени-стимула.

1924 год

Лингвокреативная задача, поставленная перед уральской общественностью в 1924 г., состояла в исключении имени императрицы Екатерины из названия города и манифестации новой идеологии. Революция явилась большим социальным потрясением — предстояло строительство нового государства, поиск опоры для которого отражался и в языке. Это преображение обнаружилось в предлагаемых горожанами окказиональных астионимах, производящей базой для которых послужили лексемы, имеющие в своей семной структуре оценочный компонент.

Номинации *Местиград* и *Реванибург* мотивированы историческим фактом — расстрелом царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Комментарии горожан, размещенные на страницах уральской прессы, позволяют сделать вывод, что оба топонима имеют в сознании носителей языка сильные эмоциональные и идеологические приращения со знаком «плюс»: «В этом городе рабочий класс отомстил последнему тирану-царю» [Семикин 1924: 3]. Топоним провозглашает победу представителей новой идеологии в борьбе со старым миром.

В послереволюционный период прилагательное *красный* переходит в класс идеологем и приобретает семантику ‘относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии’ [ТСРЯ: 303]. Идеологическая оценочность распространяется на предлагаемые горожанами топонимы: *Красноуральск*, *Красный Урал* (в последнем случае трансонимизация хоронима *Урал* подчеркивает столичный для Уральского региона статус города).

Идеологическую оценочность приобретают и топонимы-посвящения, включающие имена революционеров: *Свердловск* (астионим образован от фамилии Я. М. Свердлова, который осуществлял революционную деятельность на Урале и являлся одним из соратников В. И. Ленина), *Уралосвердловск*, *Андрейбург* и *Андрейград* (астионимы мотивированы партийной кличкой Свердлова *товарищ Андрей*), *Ленинбург* (астионим мотивирован фамилией В. И. Ленина).

Номинация-композит *Платиноуральск* не имеет идеологического содержания, но также связана с категорией оценки. Лексическое значение слова *платина* содержит аксиологически нагруженную сему: ‘благородный драгоценный металл серебристо-белого цвета, ценимый дороже золота’ [Ефремова 2000: 110]. Этот металл добывался вблизи Екатеринбурга: «Первая платина была открыта на даче Верх-Исетского завода в 1819 г.» [Рукосуев 2020: 321]. Интенция номинатора — вербально закрепить статус города как одного из центров добычи самого дорогого металла в стране.

Анализ окказиональных топонимов, предложенных во время переименования города в 1914 г., приводит к выводу, что номинаторы в процессе называния, во-первых, используют продуктивные топонимические модели (присоединение формантов *-град* и *-бург*, суффиксация посредством суффикса *-ск*); во-вторых, включают оценочную тональность. Выбор ценностного мотива номинации обусловлен экстралингвистическим фоном — социально-политическими и историческими событиями, участником которых является языковая личность. Номинатор, оценочно погружаясь в акт номинации, считает наущной необходимостью обозначить роль города в условиях формирования новой России.

2024 год

Аналогично ситуации реального переименования в 1914 г. более 80 % респондентов-студентов Уральского федерального университета в ходе эксперимента продемонстрировали стремление сохранить внутреннюю форму топонима-посвящения — «город Екатерины», используя при этом преимущественно те же топонимические модели. Однако инвентарь второй основы расширяется: *Екатеринодар*, *Екатериновка*, *Екатеринослав*, *Екатеринославль*, *Екатеринополис*. Креативность носителя языка реализуется в попытках замены первой основы и использования других мотивировочных признаков: ср. окказиональный астионим *Великоград*, в котором первая часть связана с прозванием *Екатерина Великая* (правда, данный атрибутив сопровождал императрицу Екатерину II), — «город [Екатерины] Великой».

Коммеморативный мотив номинации, таким образом, остается ведущим, но появляются новые варианты персоналий, кому адресуется топоним-посвящение. В качестве возможного лексического мотиватора рассматривается фамилия правящей династии Романовых (*Романовск*), имя императора Николая II, занимавшего трон в момент возникновения вопроса о переименовании Екатеринбурга (*Николаевск*, *Николаевск-на-Исети*), а также фамилии В. Н. Татищева (одного из основателей города) и династии Демидовых, оказавших значительное влияние на развитие промышленности на Урале (*Татищевск*, *Демидовск*, *Демидов*).

Следующим по частотности мотивом номинации является географический — речь идет об астионимах, мотивированных указаниями на особенности природного ландшафта: *Центроуральск*, *Староуральск*, *Уралогорск*, *Урал-на-Исети*, *Исетьград* и др. В образованиях с компонентом *урал*- нивелируется идея столичности города, его центрального расположения на Урале, значимая для единиц, предлагаемых в 1914 г. (*Урал*, *Владиурал*), в силу отягощенности морфемной структуры слова топонимическим суффиксом *-ск*, «приземляющим» номинации: *Центроуральск*, *Староуральск*, *Уралогорск*.

Появляется новая топонимическая модель, не используемая номинаторами в 1914 г.: *Горный* — астионим образован морфолого-сintаксическим способом и представляет собой субстантивированное прилагательное.

Как и в ситуации реального переименования в 1924 г., большинство топонимов, полученных экспериментальным путем, являются идеологически маркированными, при этом число маркеров увеличивается с учетом фоновых энциклопедических знаний современного номинатора. В качестве идеологем, выступающих производящей основой для астионимов, используется прилагательное *красный* (*Красноисетск, Красногорск, Краснозаводск*), а также лексемы *рабочий, советский, коммунистический, революционный: Рабоче-уральск, Советград, Коммунск, Коммунарск, Революционогорск*.

Расширяется круг фамилий героев-революционеров в астионимах-посвящениях: *Толмачевск* (один из первых военных комиссаров, уроженец Екатеринбурга Н. Г. Толмачев), *Кировск, Кировоград* (С. М. Киров); появляется новая модель с усечением основы антропонима — *Троцк* (Л. Д. Троцкий); используется прием трансонимизации антропонима: *Орджоникидзе* (Г. К. Орджоникидзе), *Вайнер* (участник революционного движения на Урале Л. И. Вайнер). Несмотря на то что респонденты были ознакомлены с историческим контекстом ситуации переименования, среди топонимов-посвящений обнаруживаются случаи несоответствия исторической личности и периода, в который происходило переименование. Так, несколько респондентов предлагаю топоним *Ельциновск* (Б. Н. Ельцин, фамилия которого выступает лексическим мотиватором данного топонима, родился в 1931 г.).

В предложенных испытуемым экстралингвистических условиях послереволюционного периода вторым по частотности является социально-экономический мотивировочный признак: *Минеральск, Заводск, Металлоград, Металлург, Стальск, Заводоград*. Географический мотивировочный признак может выступать как уточняющий, сочетаясь с социально-экономическим, заложенным в первой основе: *Самоцветоуральск, Стальск-на-Исети*. В перечисленных топонимах отчетливо проступает горнозаводская номинативная тема, а основную интенцию номинаторов можно сформулировать как демонстрацию производственной мощи города и Урала в целом, его природных богатств.

Заключение

В результате проведенного анализа словообразовательной структуры окказиональных топонимов мы реконструировали номинативную деятельность горожанина, которая подтверждает стабильность словообразовательных

моделей, лежащих в основе топонимообразования. Был выделен базовый круг мотивировочных признаков, на которые опирается носитель языка, продуцируя новое имя города: особенности природного ландшафта (*Екатеринбург, Горный, Исетск*); социально-экономическая структура города (*Заводск, Металлград*); коммеморативная тема (*Бажовск, Татищевск*); исторические события и факты (*Реваншбург, Исадонск*). Преимущество в выборе словообразовательных формантов внутри каждой группы мы не отметили. Набор продуктивных словообразовательных моделей укладывается в следующий перечень: 1) сложные слова, включающие две основы с подчинительным типом отношений между ними, при этом вторым компонентом основы чаще всего является формант с идентификационным значением ‘город’ в различных вариантах (*-бург, -град, -поль, -славль, -слав, -полис*); 2) сложносуффиксальные образования, которые оформляются, помимо двухосновной базы, топонимическим суффиксом *-ск*; 3) суффиксальные образования с суффиксом *-ск*. К непродуктивным типам можно отнести трансонимизацию и субстантивацию, а также описательные топонимы, построенные по модели «город на реке».

Базовые словообразовательные модели дают жизнь новым дериватам. Выбор основы — зона творчества номинатора. В ономастическом сознании горожанина хранятся наборы продуктивных образцов образования городских объектов. Окказиональное топонимотворчество не выходит за рамки доминантных моделей. При этом окказиональный топоним отражает признаки, которые номинатор посчитал для себя наиболее актуальными. Номинативная ситуация переименования продемонстрировала поиск соответствующей модели, характерной для данной топонимической ситуации. Так, для периода переименования 1924 г. был характерен либо поиск идеологически «заряженных» топонимов, прямо противоположных предшествующей номинации, либо предложение «от противного» — отсутствие идеологической составляющей.

Круг окказиональных топонимов, предлагаемых нашими современниками, конечно, отражает искусственность ситуации переименования, созданной в рамках эксперимента. Репертуар мотивирующих основ и словообразовательных моделей расширяется, так как современный горожанин осознает, что находится в ситуации моделирования, не идентифицирует себя как возможного жителя города с таким названием и не учитывает таких важных факторов, как статусность топонима, его благозвучность и др. (ср. предложенные студентами номинации *Екатериновка, Екатерининский*, образованные по моделям, характерным для именования сел и деревень, в то время как объект номинации является третьим по величине городом в России).

Источники

- Врангель Н. Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 годов. СПб. : Нева, 2001.
- Гиппиус З. Н. Дневники. Синяя книга (1914–1917). М. : Интелвак, 1999.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.
- Зауральский край. 1914. № 190–289.
- Переименование города // Уральская жизнь. 1914. 28 авг. № 192. С. 2.
- Семикин Е. К переименованию Екатеринбурга // Уральский рабочий. 1924. № 73. С. 3.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2006.
- Уральский рабочий. 1924. № 73–254.

Исследования

- Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : УрГПУ, 1998.
- Демьянин К. В., Рыженко В. Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 153–160. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>
- Дуличенко А. В. От агрессии слов к ономастическому перевороту (Заметки о русском языке перестроичного времени) // Russian Linguistics. 1993. No. 16. С. 211–224.
- Картавая Ю. К. Структурный анализ топонимии Крыма // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 3 (180). С. 88–93. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-88-93>
- Качалкова Ю. А., Рут М. Э. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 179–192. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038
- Матвеев А. К. Тенденции и практики в современной российской урбономинации // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 100–105.
- Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Ин-т языкознания РАН. М., 2003.
- Петешова О. В. Идеологическая антонимия как способ согласования топонимов при переименованиях географических объектов // Филологический аспект. 2019. № 8 (52). С. 66–72.
- Попов Н. Н. О переименовании Екатеринбурга, его улиц и площадей // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 59–64.
- Постников В. В. К осмыслинию названия Владивосток: историко-политические образы Тихоокеанской России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4 (15). С. 74–82.
- Редин Д. А. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения «городского текста» // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, №. 3. Р. 1042–1063. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.626>
- Робустова В. В. Факторы развития ономастического сознания ребенка // Ономастика Поволжья : материалы XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ. ред. И. Н. Хрусталева, В. И. Супруна. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2023. С. 263–267.
- Рукосуев Е. Ю. Платиновая промышленность Урала в начале XX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. : в 2 т. (Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г.) / гл. ред В. В. Запарий. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. Т. 1. С. 321–331.
- Седов К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 12–23.

- Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина: на материале эргонимии Красноярска : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сиб. фед. ун-т. Красноярск, 2010.
- Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (дата обращения: 09.10.2024).
- Фостова С. А. «Давайте проделаем небольшой эксперимент»: письма жителей СССР о переименовании Калининграда в 1991–1992 гг. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 236–258. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-4-236-258>
- Шанский Н. М. В мире слов. М. : Просвещение, 1971.
- Шорин А. Г. Град Екатерины. Екатеринбург : [б. и.], 2023.
- Щербак А. С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 301–304.

References

- Demyanov, K. V., & Ryzhenko, V. G. (2017). Ideologiia, toponimika, politika pamiati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [Ideology, Toponymy, and Memory Politics: On the Mass Renaming of Cities in the USSR]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*, 4, 153–160. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>
- Dulichenko, A. V. (1993). Ot agressii slov k onomasticheskому perevorotu (Zametki o russkom iazyke perestrochnogo vremeni) [From Verbal Aggression to an Onomastic Shift: Notes on Russian Language During Perestroika]. *Russian Linguistics*, 16, 211–224.
- Fatkullina, F. G. (2015). Toponimy kak komponent iazykovoi kartiny mira [Toponyms as a Component of the Linguistic Worldview]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 1, Pt. 1. Retrieved from <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18126>
- Fostova, S. A. (2022). “Davайте проделаем небольшой эксперимент”: письма жителей СССР о переименовании Калининграда в 1991–1992 гг. [“Let’s Try a Little Experiment”: Letters from Soviet Citizens on the Renaming of Kaliningrad, 1991–1992]. *Novoe proshloe / The New Past*, 4, 236–258. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-4-236-258>
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoi onomastike* [Artificial Naming in Russian Onomastics]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Kachalkova, Yu. A., & Ruth, M. E. (2019). “Ideologicheskie” urbanonimy i pereimenovanie gorodskikh ob’ektov [“Ideological” Urbanonyms and the Renaming of Urban Objects]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 179–192. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038
- Kartavaya, Yu. K. (2017). Strukturnyi analiz toponimii Kryma [A Structural Analysis of Crimean Toponymy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 88–93. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-88-93>
- Matveyev, A. K. (2009). Tendentsii i praktiki v sovremennoi rossiiskoi urbanominatsii [Trends and Practices in Contemporary Russian Urban Naming]. *Voprosy onomastiki*, 7, 100–105.
- Nikitin, S. A. (2003). *Lingvisticheskie aspekty pereimenovanii geograficheskikh ob’ektov v Rossii* [Linguistic Aspects of the Renaming of Geographical Objects in Russia] (Doctoral dissertation). Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
- Peteshova, O. V. (2019). Ideologicheskaiia antonimiia kak sposob soglasovaniia toponimov pri pereimenovaniakh geograficheskikh ob’ektov [Ideological Antonymy as a Strategy for Aligning Toponyms in Geographical Renaming]. *Filologicheskii aspekt*, 8, 66–72.
- Popov, N. N. (1998). O pereimenovanii Ekaterinburga, ego ulits i ploschchadei [On the Renaming of Ekaterinburg, Its Streets, and Squares]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9, 59–64.

- Postnikov, V. V. (2010). K osmysleniui nazvania Vladivostok: istoriko-politicheskie obrazy Tikhookeanskoi Rossii [Toward an Understanding of the Name Vladivostok: Historical-Political Representations of Pacific Russia]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 4, 74–82.
- Redin, D. A. (2021). Ekaterinburg generała Gennina: opyt prochteniia “gorodskogo teksta” [General Gennin’s Ekaterinburg: An Interpretation of the “Urban Text”]. *Quaestio Rossica*, 9(3), 1042–1063. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.626>
- Robustova, V. V. (2023). Faktory razvitiia onomasticheskogo soznaniiia rebenka [Factors Influencing the Development of a Child’s Onomastic Awareness]. In I. N. Khrustalev & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh’ia: materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 21st International Conference] (pp. 263–267). Ryazan: Ryazan State University.
- Rukosuev, E. Yu. (2020). Platinovaia promyshlennost’ Urala v nachale XX veka [The Platinum Industry of the Urals in the Early 20th Century]. In V. V. Zapariy (Ed.), *Ural industrial’nyi. Bakuninskie chteniia: materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 16–17 noiabria 2020 g.)* [Industrial Ural: Bakunin Readings — Proceedings of the 14th All-Russian Academic Conference] (Vol. 1, pp. 321–331). Ekaterinburg: UMTs UPI.
- Sedov, K. F. (2008). Teoreticheskaiia model’ psikhologivopersonologii [A Theoretical Model of Psycholinguistic Personology]. *Voprosy psikhologivistiki*, 7, 12–23.
- Shansky, N. M. (1971). *V mire slov* [In the World of Words]. Moscow: Prosveshchenie.
- Shcherbak, A. S. (2020). Onomasticheskoe soznanie kak kognitivno-iazykovaia sistema [Onomastic Consciousness as a Cognitive-Linguistic System]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 3, 301–304.
- Shorin, A. G. (2023). *Grad Ekateriny* [The City of Catherine]. Ekaterinburg: [s. n.].
- Trapeznikova, A. A. (2010). *Onomasticheskoe soznanie sovremennoi gorozhanina: na matriale ergonimii Krasnoiarska* [Onomastic Awareness of a Modern City Dweller: A Study Based on Krasnoyarsk Ergonomy] (Doctoral dissertation). Siberian Federal University, Krasnoyarsk.